

Ресурсы социализации детей и подростков из семей русскоязычных мигрантов в Германии

Р.В. Чиркина,

кандидат психологических наук, заведующая научно-исследовательской лабораторией ювенальных технологий, доцент кафедры юридической психологии и права факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета, rimmach@bk.ru

С.Е. Аруин,

руководитель Союза «Принятие. Доверие. Перспектива» («Der Verein Akzeptanz Vertrauen Perspektive e.V.» – Дюссельдорф, Германия), научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории ювенальных технологий Московского городского психолого-педагогического университета, aruin@integrationavp.de

---

В статье рассмотрены проблемы проживающих в Германии русскоязычных семей с детьми, касающиеся языка общения и идентификации по национальному признаку, самооценки детей и оценки их качеств родителями, ключевых событий и проблем, которые возникли после переезда в Германию, возможностей решения этих проблем, отношения к родине, удовлетворенности различными сторонами жизни, перспектив будущего, отношения к новым социально-культурным нормам и др. Представлены результаты интервью с родителями и детьми, анализ семейных историй, на примере которых прослежены различные стратегии социализации и идентификации подростков с проблемным поведением. Выявлено особое значение, которое респонденты придают вариативности, доступности и множественности различных образовательных программ в рамках комплексной системы защиты семьи и детства в Германии. Наряду с высоким уровнем социальной защиты опрошенные ведущим фактором социализации мигрантов считают образование.

Ключевые слова: эмиграция, социализация, адаптация мигрантов, социально-культурная среда, профилактика правонарушений несовершеннолетних, социально-психологическая помощь, социальный контроль, ресурсы интеграции.

Эмиграция, потеря родины и привычного окружения, чужая языковая среда – это группа факторов, в большой степени предопределяющих запуск противоправных форм поведения у подростков. Эта ситуация актуальна для многих стран, в том числе для России и Германии. Межкультурные различия, потеря общих ментальных и семейных традиций, неясность перспектив и невозможность вернуть прошлое, фрагментарность опыта и связанных с ним идентификационных стратегий требуют особых подходов к подбору мер профилактики правонарушений среди юных иммигрантов.

Германия, столкнувшись с этими проблемами в послевоенные десятилетия, предоставила семьям переселенцев все ресурсы социального государства, чтобы помочь им сначала адаптироваться, а затем успешно интегрироваться в немецкое общество. В настоящее время только в Дюссельдорфе, например, 75 % детей до 14 лет, по информации городского Ведомства по делам молодежи за 2011 г., имеют иммиграционные корни [3].

Противоправная напряженность и криминальная пораженность в молодежной когорте также гораздо выше в иммигрантской среде, нежели среди коренного населения. В России такая статистика пока не ведется, но наблюдается сходная тенденция. Поэтому представляется целесообразным изучение российских и европейских практик и социально-психологических сервисов в работе с семьями и детьми иммигрантов.

Мы решили выяснить, как в результате смены местожительства в иной социально-культурной, языковой, политической среде происходит формирование личности и законопослушных поведенческих моделей у детей и подростков, как влияют на них социальная ситуация и территориальные особенности, какие превентивные подходы формируют социально-нормативные установки у детей с иммиграционными корнями и как все это отражается в их сознании. Такой страноведческий сравнительный контекст поможет разработать методические рекомендации по работе с детьми и подростками из семей мигрантов, например, для российской системы профилактики.

В ходе исследования мы использовали наблюдение, методы экспертных оценок и кейс-стади, интервью, биографический метод и пр. Базой исследования стали организации, занимающиеся профилактикой противоправного поведения в Германии (Jugendamt, ASD, AVPe.V. – NRW).

Вначале мы провели пилотную серию интервью с представителями русскоязычных семей, проживающих в городах Земли Северный Рейн-Вестфалия, где традиционно велико количество семей с миграционной историей. Ответить на вопросы интервью предлагалось родителям и детям (если возраст детей составляет от 11 лет до 21 года и они попали в Германию уже в сознательном возрасте, т. е. помнят родину). Один опросник заполняли один родитель и один ребенок (в одном случае – оба родителя и в одном – только родитель).

Вопросы касались: языка общения и идентификации по национальному признаку, самооценки детей и оценки их качеств родителями, ключевых событий до и после переезда в Германию, проблем родителей и детей после переезда, возможностей (знаемых и используемых) для решения этих проблем, отношения к родине, удовлетворенности различными сторонами жизни, перспектив будущего, отношения к законам и др.

Были опрошены 33 родителя и 31 ребенок из 32 семей русскоязычных иммигрантов, переехавших в Германию на постоянное место жительства.

Социальные характеристики семей таковы: полных семей – 19, неполных – 8, с мачехой/отчимом – 5, смешанных по национальности родителей – 11, с одним ребенком – 4, двухдетных – 22, с тремя и более детьми – 6; до переезда семьи проживали в России (Сибирь, Кавказ, Поволжье), Казахстане, Белоруссии, Узбекистане; срок проживания в Германии от 3 до 15 лет.

Причина переезда – в основном, воссоединение семей этнических немцев, 2 семьи попросили политического убежища, 5 семей приехали по еврейской визе. Мотивация переезда – чаще всего, забота о лучшем будущем для детей.

В почти половине семей один из родителей или оба не работают, получают пособие по безработице и неофициально подрабатывают – «шварцуют». Почти все родители, нашедшие работу, снизили свои статусные позиции или сменили профессию на менее престижную. Лишь в двух семьях родители смогли не только подтвердить свою квалификацию, но и пройти дополнительное обучение и получить достойную работу по специальности.

Возраст детей – от 11 до 19 лет, преобладают подростки в возрасте 13–16 лет. Большинство детей приехали в Германию в возрасте от 5 до 9 лет, так что российскую жизнь помнят. Большинство детей не хотели переезда (за исключением тех, чьи семьи просили политического убежища), но приспособились к новой жизни быстрее родителей. Все опрошенные дети учатся в немецких школах. Дети в возрасте от 18 лет стремятся поступить в гимназию. Один из опрошенных детей поступил в университет, и один –

в колледж. Освоение языка у детей также проходит быстрее и эффективнее. Уже через 2–3 года дети легче и охотнее общаются по-немецки, используя русскую речь только в семье. Во многих семьях этнических немцев по-русски не говорят даже между собой.

Проведение интервью с детьми затруднялось тем, что они, не вполне владея русской личностной лексикой, не могли дать развернутые ответы на вопрос рефлексивной методики «Кто я?», да и на многие другие тоже. Опрос по-немецки дал столь же скудные результаты, поскольку личностный немецкий этих детей также довольно ограничен. Большинство детей отказались от этого теста. В силу проблем с языком подавляющее большинство детей старшего возраста предпочитают общаться и дружить преимущественно с представителями своей диаспоры или с другими иммигрантами. Младшие таких предпочтений не высказывают и коренных немцев из числа своих друзей не исключают. У родителей круг неформального общения ограничен только соотечественниками.

Родителям также сложно было сформулировать ответ на вопрос, кем они чувствуют себя в Германии. Ответы родителей: «чужие»; «ненужные»; «живущие в Германии русские люди»; «русские немцы»; «русаки»; «свои среди чужих – чужие среди своих»; «мы для них “чурки”». Мусульмане и евреи в ответ назвали свою национальность. И только двое из опрошенных назвали себя полноценными немцами. Дети до 12 лет считают себя просто немцами (без всяких оговорок), более старшие и те, кто приехал позже, русскими немцами или немцами из страны рождения. Очевидно, что чем позже происходит перемещение в иную социально-культурную среду, тем сложнее на фоне прерванного социального опыта протекает процесс формирования национальной идентичности. И прежняя жизнь, и принадлежность к иной стране, культуре, нации в новых условиях подвергаются ревизии, переосмысливаются и отбрасываются как помеха, или, наоборот, закрепляются как основа самоотношения. Для детей из семей иммигрантов проблемой является преодоление или, скорее, примирение в своем сознании и поведении двойных стандартов (дома принято одно, в обществе – другое). В некоторых опрошенных семьях мы наблюдали одновременно две противоположные тенденции – стремление к ассимиляции одних членов семьи и протестную сепарацию других, что явилось основой детско-родительских конфликтов.

Очень показательной представляется нам одна из семейных историй, в которых дочь и родители следовали первой тенденции, а сын, назовем его Андерсом, – второй тенденции.

Попав в Германию в 7 лет, Андерс так и не смог адаптироваться к новым условиям. И хотя язык выучил легко и в школе учился неплохо, дружеские отношения завязывал только с такими же детьми иммигрантов в первом поколении. Семья дважды переезжала в поисках работы. Отец (бывший военный) и мать (в прошлом – технолог) не могли работать по специальности. В настоящее время мать работает горничной в отеле, отец на заводе рабочим. В местности, где семья поселилась, не очень приветливо относятся к приезжим из бывшего СССР, да и к другим тоже. В то время как родители изо всех сил пытались «онемечиться», сын выбрал оппозиционную семье и обществу стратегию – начал пить, хулиганить, связался с криминализованной компанией иммигрантов из бывшей Югославии, в VIII классе был исключен из школы, злоупотребляет алкоголем с 16 лет. Суд рассматривал дела об актах вандализма, причинения материального ущерба собственникам (угон и порча мотоциклов), в которых он участвовал. В 16 лет он стал часто ходить на немецкие дискотеки в футболке с символикой СССР, бывал за это бит, и так повторялось неоднократно. На вопрос, зачем так провоцировать сверстников, ведь силы не равны, – он ответил, что в этом случае его бьют как советского русского, а не как просто лоха. Так, интуитивно, он смог уравнять позиции – идеология против идеологии, немцы против русского – и таким образом решить свою проблему прерванной идентичности, вернувшись к корням.

В процессе интервью Андерс охотно и откровенно отвечал на все вопросы интервьюера-соотечественника. Он рассказал, что отец, мрачный, необщительный, закрытый, все время демонстрирует сыну неприязнь, постоянно упрекает, ставит в пример

себя. Всю семью держит в подчинении, так как он – основной добытчик. Любит старшую дочь, успешную, похожую на него. Несколько раз устраивал сына на неквалифицированную работу, но Андерс после ночных загулов или бдений у компьютера мог прогулять рабочий день и потому нигде не задерживался. Мать, подрабатывая уборкой у хозяев, тайком от мужа дает сыну деньги. Самооценка у Андерса низкая по социальным параметрам («любимый», «успешный», «благополучный»), средняя по личностным параметрам («решительный», «способный», «ответственный»), выше среднего – по природным параметрам («красивый», «необычный», «здоровый»). Высокая межличностная тревожность, наблюдаются признаки дисфории и алкогольной энцефалопатии. Ответы на вопрос «Кто я?»: «русский парень», «сын», «брат», «паршивец», «сам по себе», «любимец девушек», «хороший друг», «смельчак», «авторитет», «не люблю, когда давят и воспитывают». О будущем говорит очень сдержанно: «Все будет нормально. Только не со мной. Не хочу думать об этом». Сейчас ему почти 20 лет, и он мечтает получить российский паспорт и вернуться на родину. Часто вспоминает своих российских друзей, школу, занятия музыкой и бальными танцами. Своей нынешней жизнью категорически не удовлетворен. Считает, что, останься семья на родине, он наверняка был бы счастлив.

С Андерсом на протяжении всех его мытарств работали представители органов правопорядка, отделов по делам молодежи, один раз, по предписанию суда, – немецкий психолог, которого он считал психиатром и с которым отказался дальше контактировать. К организациям, поддерживающим русскоязычных иммигрантов, к специалистам социально-психологической и терапевтической служб семья не обращалась. Попытки родителей замалчивать и отрицать проблемы с целью сохранения видимости адаптированной семьи обернулись тем, что Андерс так и застрял в состоянии диффузной идентичности, не смог получить образование и профессию, не справился с алкогольной зависимостью.

Приведем еще один пример, в котором сложности подросткового периода ребенка семья переживает при участии не только государственных служб социального контроля и помощи, но и общественной организации – Союза «Принятие. Доверие. Перспектива» в Дюссельдорфе (AVP), ориентированной на содействие интеграции русскоязычных семей, работающей по запросу властей города.

Кристине 14 лет. У нее есть младший брат. 9 лет назад мать с детьми воссоединились с отцом, этническим немцем, который переехал в Германию за 1 год до остальной семьи. Пока он жил один, у него появилась другая женщина. Это выяснилось практически сразу, как только семья воссоединилась. У матери и в России были проблемы с алкоголем, а на фоне конфликта ситуация обострилась. Начались скандалы, рукоприкладство со стороны отца. Однажды семье пришлось просить защиты в центре для женщин и детей, терпящих семейное насилие. С семьей там работали русскоязычные юристы и психологи. Через три месяца ситуация разрешилась – отцу временно запретили общаться с домочадцами, был начат бракоразводный процесс, который длился больше двух лет. В результате мать с детьми остались жить в Германии, им было назначено социальное пособие (с оплатой жилья, страховки, пособий на детей и по безработице).

В настоящее время дети регулярно навещают отца. Мать практически избавилась от зависимости, но несколько раз в год выпивает на праздники. С детьми занимается мало. Много времени тратит на учебу на различных курсах, приобрела несколько специальностей – массажиста, мастера педикюра, получила права на вождение автомобиля, неплохо освоила немецкий язык. Подтвердить свой российский диплом не смогла, устроиться на работу по новым специальностям тоже не получается, и потому сейчас эпизодически подрабатывает «по-черному». Мать переживает, что живет «не свою жизнь», что в России ей и детям было бы лучше. Там ее родители, которые хотят возвращения внуков домой. Кристина тоже очень любит Россию, в трудные моменты жизни обе мечтают, что когда-нибудь смогут вернуться. Мать считает себя русской, живущей в чужой стране, Кристина в процессе интервью называет себя российским жителем Германии, русской немкой, русачкой.

Учится Кристина слабо, но школу любит, добросовестно делает домашние задания, испытывает досаду, что дома некому помочь с учебой. С учителями часто спорит. Агрессивна и конфликтна с ровесниками, были приводы за групповую попытку кражи в магазине, пробы алкоголя, был случай передозировки спиртного с последующей госпитализацией (после этого назначен социальный контроль). Дома Кристина капризная, требовательная. Брата и мать любит, но при этом активно манипулирует ими. Мать считает дочь более сильной, чем она сама, испытывает чувство вины перед ней и часто идет у нее на поводу.

В семье есть еще одна проблема. Младший брат Кристины проявляет все признаки педагогической запущенности. В 8 лет имеет проблемы с усвоением школьных знаний, чтением и письмом. Ему был поставлен диагноз «легастения», рекомендовано обучение в специальной школе. Для коррекции синдрома СДВГ рекомендовано занять ребенка спортом.

По собственной инициативе обращались к психологу AVP. У Кристины выявлены признаки созависимости: страх, стыд-вина, гнев, зависимость от других личностей с потребностью получать от них подтверждение своей ценности, нарушение самоидентичности, неуверенность в себе, дисфория. Тип созависимости – «Потерянный ребенок» (Из интервью с Кристиной: «Ненавижу, когда мама встречается с подругами и выпивает. Она про меня забывает, и мне стыдно за нее. Я всегда пытаюсь ее увезти оттуда, но она меня не слушает. Алкоголь – убийца любви»). Самооценка низкая по параметрам: «красивая», «благополучная», «любимая». Высокая самооценка по параметрам: «умная», «способная». Остальное в пределах средних значений. Высокая школьная и межличностная тревожность. Ответы на вопрос «Кто я?»: «девушка», «русская немка», «школьница», «хорошо рисую и вообще все делаю, если только захочу». В будущем видит себя руководителем музыкальной группы (хотя музыкой не занимается) или руководителем проекта («какого-нибудь»). По рекомендации психолога посетила несколько занятий в терапевтической группе для созависимых.

Преодолеть напряженность в отношениях с матерью удалось с помощью совместного тренинга. С мамой психолог работал над проблемой контроля, умением разрешать конфликты, программой взаимодействия с детьми и помогающими службами.

По рекомендации школьного психолога, с которым захотела общаться сама Кристина, девочку включили в группу старшеклассников, разрабатывающую разные творческие проекты. Там хорошо отзываются о ее организаторских и художественных способностях. Улучшила успеваемость по немецкому языку. За это получила от родителей в подарок хороший фотоаппарат. Начала посещать фотокружок. Перестала общаться с девочками, которые втянули ее в кражу. Негативно отзывается о своих асоциальных поступках.

Брат посещает секцию плавания, делает успехи в учебе.

Внутрисемейные конфликты иногда случаются, но уже не по причине пьянства матери и не по поводу эксцессов Кристины, а на бытовой почве. Мать отмечает, что Кристина стала более ответственной, научилась мобилизовывать свои силы в трудные моменты.

В Россию по-прежнему хотят вернуться, и для этого оба ребенка ходят на курсы по изучению русского языка в Центр российской культуры в своем городе.

История этой семьи, изобилуя признаками социально-психологической дезадаптации, тем не менее, внушает оптимизм в силу того, что у матери и детей высокий уровень познавательной активности, высокая мотивация к сотрудничеству со специалистами (как русскоязычными, так и немецкими), доверие к ним, способность к работе над собой. За последний год у всех членов семьи повысились показатели удовлетворенности своей жизнью.

Как видим, охотное сотрудничество иммигрантской семьи с помогающими организациями, в том числе с организациями бывших соотечественников, дает

дополнительные и очень значимые ресурсы для успешной социализации детей и позволяет примирить ментальные стереотипы в вопросах воспитания детей с нормами страны проживания.

Таких дел в практике социально-психологической службы AVP уже почти полторы сотни. Поэтому на следующем этапе исследования мы планируем провести анализ 145 кейсов (истории жизни, материалы личных дел, социальные карты, диагностические заключения, процесс и результаты социальной работы и пр.) русскоязычных семей, направленных социальными службами Дюссельдорфа в программу сопровождения общественной организации AVP.

Программы помощи дезадаптированным семьям с детьми в Германии включают в себя огромный спектр сервисов – от организации обучения немецкому языку, тренингов социального поведения и творческих студий до длительной психотерапии, лечения от зависимостей, помощи в трудоустройстве и т. д. Основными принципами работы с такими семьями являются индивидуальный подход, грамотный кейс-менеджмент и уважение к собственному выбору семьи по отношению к предлагаемым мерам помощи.

В связи с этим интересно выяснить, каково проблемное поле русскоязычных семей и насколько получается у них воспользоваться этой системой ресурсов для улучшения положения детей.

Анализ интервью показал, что для родителей в нашей выборке проблемы детей дошкольного и младшего школьного возраста касаются в основном их здоровья (много жалоб на тики, энурез, утомляемость) и готовности к школе.

Спектр проблем старших детей гораздо шире. По степени значимости и частоты они располагаются следующим образом:

- отсутствие взаимопонимания/общего языка и трудности контроля за поведением;
- школьные проблемы, конфликты с учителями (особенно на первых порах, когда дети приезжают в Германию и учатся в младших классах, а родители не могут общаться с учителями из-за незнания языка);
- выбор образовательного маршрута и сложности с получением высшего образования;
- претензии к кругу общения детей;
- нарушения поведения, вплоть до делинквентности;
- инфантильность/эмансипация/ранняя сексуализация.

Дети так очерчивают круг своих проблем:

- неприятие сверстниками, поиск референтной группы;
- трудно учить два иностранных языка;
- непонимание родителей;
- неуверенность в своей привлекательности;
- много ограничений (нельзя шуметь, говорить по душам, заводить собаку и пр.);
- слишком много соблазнов, официальная провокация ранней сексуализации (через уроки биологии и издания для подростков);
- трудности доступа к высшему образованию и отсутствие гарантий профессиональной карьеры (характерно для детей старше 18 лет).

Далее в таблице приведены данные восприятия семьями ресурсов интеграции в новой стране проживания (учтены ответы 50 участников интервью, 17 детей и 33 родителей).

Т а б л и ц а

Удовлетворенность ресурсами интеграции (количество ответов)

№ п/п	Ресурсы	Удовлетворены	Не удовлетворены	Не пользуются
1	Расширение границ, возможность свободного перемещения по Европе	16	19	15
2	Социальная защита (пособия на детей, компенсация расходов на оплату жилья, медицинская страховка и пр.)	27	8	9
3	Помощь государственных организаций и специалистов (медики, психологи, соцработники, др.)	12	18	15
4	Заработная плата (официальная или неофициальная)	9	28	13
5	Пособие по безработице	3	23	24
6	Поддержка диаспоры	4	7	39
7	Помощь церкви	7	5	38
8	Языковые программы	23	20	4
9	Образовательные ресурсы	32	18	-
10	Помощь общественных организаций соотечественников	16	2	32
11	Работа или помощь в трудоустройстве (ресурс Arbeitsamt)	25	19	6
12	Правовая, юридическая помощь, помощь полиции	5	3	42
13	Поддержка родственников	25	17	8
14	Возможность вернуться на родину	13	10	27
	Поддержка местного сообщества	8	21	21

15	и/или принятие не русскоязычными из ближайшего окружения			
16	Поддержка родных и близких, живущих на Родине	11	6	33
17	Возможности для развития творческих, спортивных, познавательных способностей детей	19	18	13

Мы видим, что довольно большое количество опрошенных родителей и детей не пользуются многими ресурсами, предоставляемыми государством и обществом. Реже всего прибегают к помощи полиции, юристов, поддержке диаспоры, церкви, общественных организаций соотечественников. Каждый четвертый не использует возможности свободного перемещения по Европе. Часть респондентов не удовлетворены практически всеми перечисленными ресурсами помощи. Больше всего недовольных размером заработной платы и пособия по безработице. Многие не удовлетворены языковыми курсами. Правда, в интервью некоторые недовольные признают, что проблемы не в курсах, а в их способности усваивать языковые навыки.

Тем не менее, в нашей выборке в рейтинге факторов, наиболее значимо повлиявших на ход адаптации и показатели удовлетворенности жизнью, на первом месте оказался фактор образования (возможность получать образование и вариативность имеющихся образовательных ресурсов, наличие культурно-образовательных программ, адресованных детям), на втором месте – социальная помощь (детские пособия, оплата жилья, медицинская страховка), на третьем – поддержка членов семьи и наличие работы или помощь в ее поиске (расчет коэффициента ранговой корреляции по Спирмену: $r_s = 0,785$ в зоне значимости $p=0,05$).

Первичный анализ результатов исследования психологической феноменологии, характерной для русскоязычных семей с разной степенью включенности в инфраструктуру интеграционных ресурсов, позволил выявить следующие закономерности и тенденции. Степень готовности и принятия семьей предлагаемой помощи значимо связана со степенью ее адаптации к новым условиям, показателями удовлетворенности жизнью детей и родителей, продуктивности процесса формирования у детей социальных навыков (выраженность установок на социально нормативное и законопослушное поведение), что определяет дифференцированность и устойчивость их национальной идентичности, эмоциональный фон отношения к будущему и характер постановки целей. Имеет также значение и источник оказания помощи. Русскоязычные семьи, склонные принимать помощь от русскоязычных организаций и специалистов, оценивают ее как более эффективную, не отрицая пользы и от помощи немецкоязычных структур. В то время как те, что стараются решать проблемы втайне от соотечественников, считают неэффективной любую помощь.

Следует отметить, что наиболее эффективной помощь государства и общественных структур считают те родители, у кого имеются дети дошкольного возраста. Именно дошкольникам адресовано большое количество сервисов и программ, направленных на раннюю социально-культурную, психологическую и языковую интеграцию. Примером таких программ могут служить проекты Союза AVP «Мост» и школа «Альфа» [1; 2], программа «Parilio» для детских садов, целью которой является помощь в коррекции проблемного поведения и содействие в освоении основных социально-эмоциональных навыков у детей [6]; проект «Скажи-ка» по поддержке языкового развития детей дошкольного возраста, в котором языковое обучение детей было включено в программу многих детских садов [5]. Ранняя профилактика насилия, социальное обучение и содействие социальной интеграции детей были заявлены как цели проекта, который с 2003 г. по 2006 г. был реализован в детских садах Франкфурта Институтом Зигмунда Фрейда при

сотрудничестве с Институтом аналитической детской и подростковой психотерапии [4]. Разработки проекта и сейчас используются в дошкольных учреждениях во многих землях Германии.

В настоящее время, с целью сопоставления репертуара помогающих технологий и их психологических составляющих, нами начата программа исследования в России на выборке семей из республик СНГ.

В целом, несмотря на сходство применяемых методов работы с иммигрантскими семьями в странах, отличающихся общественно-экономическим потенциалом, подходами и инфраструктурой поддержки детства, по-разному работают и механизмы формирования социально-нормативного поведения детей и подростков, особенно из категории мигрантов/переселенцев. Исследование и сравнение этих механизмов могут дополнить существующую у нас систему профилактики и сопровождения детей из семей мигрантов и позволят создать новую архитектуру технологических подходов к решению проблемы формирования у них просоциальных установок.

Литература

1. Аруин С. Взаимодействие общественных организаций Германии с муниципальными, земельными и федеральными институтами власти и бизнес-структурами в интеграции молодежи из числа иммигрантов [Электронный ресурс] // Психология и право. 2011. № 3. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw> (дата обращения: 04.05.2013).
2. Аруин С. Проект «Мост» – содействие в сотрудничестве по вопросам воспитания между родителями-мигрантами с восточноевропейским происхождением и детскими садами в городе Дюссельдорф [Электронный ресурс] // Психология и право. 2012. № 4. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw> (дата обращения: 06.05.2013).
3. Лукачек П. Система работы социальных служб Германии на примере Общей социальной службы (ОСС) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2011. № 3. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw> (дата обращения: 04.05.2013).
4. Die Frankfurter Präventionsstudie in Kindergärten zur Verhinderung psychosozialer Desintegration (insbes. von ADHS) [Электронный ресурс] // URL: <http://www.sfi-frankfurt.de/forschung/archiv-der-forschungsprojekte/frankfurter-praeventionsstudie/projektbeschreibung.html> (дата обращения: 14.03.2013).
5. EVAS – Evaluationsstudie zur Sprachförderung von Vorschulkindern «Sag` mal was – Sprachförderung für Vorschulkinder» [Электронный ресурс] // URL: http://www.sagmalwas-bw.de/media/WiBe%201/pdf/EVAS_Abschlussbericht_Januar_2010.pdf (дата обращения: 14.03.2013).
6. Papilio – Ein Programm für Kindergärten zur Primärprävention von Verhaltensproblemen und zur Förderung sozial-emotionaler Kompetenz im Kindergarten [Электронный ресурс] // URL: <http://www.papilio.de/download/papilio-ergebnisse.pdf> (дата обращения: 14.03.2013).

Socialization resources in children and adolescents from Russian speaking migrants in Germany

R.V. Chirkina,

PhD in Psychology, Head of Research Laboratory of Juvenile Technologies, Associate Professor, Chair of Legal Psychology and Law, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, rimmach@bk.ru

S.E. Aruin,

Head of the Union "Decision-Trust-Perspective" ("Der Verein Akzeptanz Vertrauen Perspektive e.V." – Dusseldorf, Germany), Research Associate, Research Laboratory of Juvenile Technologies, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, aruin@integrationavp.de

---

We discuss the problems of Russian-speaking families with children who live in Germany, on the language of communication and identification based on nationality, self-esteem of children and assessment of their qualities by parents, the key events before and after the move to Germany, the capacity to address these issues, the relationship to the native country, satisfaction with various aspects of life, prospects of the future, the relationship to the new socio-cultural norms, etc. We present the results of interviews with parents and children, the analysis of family stories, on the example of which the different strategies of socialization and identification of adolescents with behavior problems were followed. We revealed a special significance that the respondents attribute to variability, availability, and multiplicity of different educational programs as part of an integrated system of family and child protection. Along with high level of social protection, the leading factor of socialization of migrants is education.

Keywords: emigration, socialization, adaptation of migrants, socio-cultural environment, prevention of juvenile delinquency, social and psychological support, social control, integration resources.

References

1. Aruin S. Vzaimodeistvie obshchestvennykh organizatsii Germanii s municipal'nymi, zemel'nymi i federal'nymi institutami vlasti i biznes-strukturami v integratsii molodezhi iz chisla immigrantov [Elektronnyi resurs] // Psihologiya i pravo. 2011. № 3. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw> (data obrasheniya: 04.05.2013).
2. Aruin S. Proekt «Most» i sodeistvie v sotrudnichestve po voprosam vospitaniya mezhdru roditel'yami-migrantami s vostochnoevropayskim proishozhdeniem i detskimi sadami v gorode Dyussel'dorf [Elektronnyi resurs] // Psihologiya i pravo. 2012. № 4. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw> (data obrasheniya: 06.05.2013).
3. Lukachek P. Sistema raboty social'nykh sluzhby Germanii na primere Obshei social'noi sluzhby (OSS) [Elektronnyi resurs] // Psihologiya i pravo. 2011. № 3. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw> (data obrasheniya: 04.05.2013).
4. Die Frankfurter Präventionsstudie in Kindergärten zur Verhinderung psychosozialer Desintegration (insbes. von ADHS) [Elektronnyi resurs] // URL: <http://www.sfi->

frankfurt.de/forschung/archiv-der-forschungsprojekte/frankfurter-
praeventionsstudie/projektbeschreibung.html (дата обращения: 14.03.2013).

5. EVAS – Evaluationsstudie zur Sprachförderung von Vorschulkindern «Sag` mal was–
Sprachförderung für Vorschulkinder» [Elektronnyi resurs] // URL: [http://www.sagmalwas-
bw.de/media/WiBe%201/pdf/EVAS_Abschlussbericht_Januar_2010.pdf](http://www.sagmalwas-bw.de/media/WiBe%201/pdf/EVAS_Abschlussbericht_Januar_2010.pdf) (дата обращения:
14.03.2013).

6. Papilio – Ein Programm für Kindergärten zur Primärprävention von
Verhaltensproblemen und zur Förderung sozial-emotionaler Kompetenz im Kindergarten
[Elektronnyi resurs] // URL: <http://www.papilio.de/download/papilio-ergebnisse.pdf> (data
obrasheniya: 14.03.2013).